

БОРНСЯ И ГЛЕБА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

Гришин Виктор
Там, где сходятся
меридианы

Международный фестиваль Бориса и Глеба

Виктор Гришин

Там, где сходятся меридианы

«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Гришин В.

Там, где сходятся меридианы / В. Гришин —
«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»,
2017 — (Международный фестиваль Бориса и Глеба)

ISBN 978-5-906957-17-7

Какова роль Веры для человека и человечества? Какова роль
Памяти? В Российском государстве всегда остро стоял этот вопрос.
Не просто так люди выбирают пути добродетели и смирения – ведь
что-то нужно положить на чашу весов, по которым будут судить весь
род людской. Государство и сильные его всегда должны помнить, что
мир держится на плечах обычных людей, и пока жива Память, пока
живо Добро – не сломить нас.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906957-17-7

© Гришин В., 2017
© Региональное отделение
продюсерского центра при
Интернациональном Союзе
писателей, 2017

Содержание

Об авторе	6
Предисловие	7
Монастырь	9
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Виктор Гришин

Там, где сходятся меридианы

© Виктор Гришин, 2017

© Интернациональный Союз писателей, 2017

* * *

Об авторе

Родился на Волге в городе Кинешма. Окончил Горьковское речное училище имени И.П. Кулибина, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Кандидат экономических наук. Автор ряда монографий и научных статей по финансовому анализу, финансово-банковским рискам. Служил в ВМФ СССР, Работал в Заполярье. Лыжник-марафонец. Инструктор по подводному плаванию. Это все в прошлом. Сейчас на пенсии. Сосредоточился на воспитании внуков и творчестве.

Член Союза писателей России. Автор восьми книг. Печатался в журналах: «Невский альманах», «Водный транспорт», в серии мариниста А. Покровского «В море на суше и выше», в казахстанском журнале «Нива», красноярском альманахе «Новый Енисейский литератор», норвежском журнале «Соотечественник», молдавском «Наше поколение», финском «Что есть истина». Автор ряда статей по литературоведению и публицистике.

Печатался и печатаюсь в российских, международных печатных и интернет-изданиях. Финалист, лауреат, победитель ряда всероссийских и международных литературных конкурсов. Имею обширный список попадания в лонг и шорт-листы. Это меня радует. Значит, чем-то заинтересовал, следовательно, можно работать дальше.

Предисловие

...Далекие восьмидесятые. Я, молодой специалист, по распределению был направлен в Печенгский район Мурманской области. Проезжая поселок Печенга, мой попутчик кивнул в сторону мрачного деревянного сруба армейской КЭЧ:

– Это Трифонов Печенгский монастырь. Вернее, то, что от него осталось: старая церковь рождества Христова. – Место это намоленное, – добавил.

Таким сохранился до наших дней Трифонов Печенгский монастырь, основанный преподобным Трифоном в 1533 году как форпост земли русской в Лапландии, что привольно раскинулась в скандинавском и кольском Заполярье. Через пятьдесят семь лет финские шведы разорили его, злодейски погубив 116 монахов и послушников, останки которых нашли при ремонте фундамента церкви. Остаться равнодушным к такой информации было нельзя.

Шел 1982 год. Не мудрено, что информации о Трифонове Печенгском монастыре я не нашел. Помог случай. Печенгский райком партии готовился к торжественной дате освобождения Печенгской земли от немецко-фашистских захватчиков. Нужна была история района. Обойти такую реликвию, как монастырь, не могли. Работник газеты «Советская Печенга» дал мне почитать на одну ночь потрепанную книгу без обложек с вырванными страницами репринтного изготовления. Прочитав ее, я узнал о Трифонове Печенгском монастыре, его истории. Да и не только о монастыре. Узнал о местных святых: Трифоне Печенгском, Феодорите Кольском, Варлааме Керекском. Понял, что форпостом русской земли на крайнем севере стояли церковь Бориса и Глеба, часовня Святого Георгия, монастырь Трифона Печенгского. Через много лет я узнаю, что прочитал за одну ночь книгу «Валаамские старцы» Янсона М. А., изданную в Берлине в 1938 году. Автор описывал ситуацию с церквями и священнослужителями жестко, правдиво.

Летели годы. Я с трепетом подхожу к церкви Бориса и Глеба, что разместилась в анклавном километре квадратный на территории Норвегии. Колени становятся мягкими, я присаживаюсь на ближайший камень. Вот она, церковь Бориса и Глеба, творение Трифона Печенгского, который неумоимо раздвигал присутствие православия на территории Лапландии, населенной саами.

Построена церковь преподобным Трифоном Печенгским в 1565 году на реке Паз. В реке он и крестил саамов. По-саамски река называется Бассай, что означает «святой» – в Лапландии она стала чем-то вроде Днепра для древних русичей. Освящена церковь в день памяти святых мучеников благоверных князей Бориса и Глеба. «Крещение толпы лопарей, – пишет знаток лопарской истории Д.Н. Островский, – напомнило преподобному Трифону о крещении Руси на Днепре святым князем Владимиром и навело на мысль построить здесь для новокрещенных церковь во имя сыновей Владимира святых Бориса и Глеба, как бы вдвоем покровительствующих ему, Трифону, и сподвижнику его Феодориту»

Мало кто знает, что церковь Бориса и Глеба, помимо символа веры, оказалась ориентиром, доказавшим в 1826 году при демаркации границы исконно русскую территорию.

Церковь стояла в снегу, не было ни малейшего намека на человеческое присутствие. А его и не было. Я уже знал, что после войны, во время строительства каскада Пазских ГЭС, церковь Бориса и Глеба, крепко пострадавшую от боев в 1944 году, отремонтировали. В ней был размещен ресторан в стиле «а ля рюс» норвежских строителей. В Норвегии тогда был жесткий «сухой закон» и норвежские гидростроители оставляли в нем свои заработанные кроны. Знакомый норвежец рассказывал мне, что его, еще мальчика, папа, в дни получения зарплаты, брал с собой, чтобы было кому везти машину домой.

Время шло. Мой сопровождающий стоял рядом и деликатно покашливал. Пора уходить. Пролетело время. Не хочу говорить о лихих девяностых. Это каиново время должно исчезнуть из памяти, слишком оно кровоточит. Но было светлое пятно в жизни Кольского Заполярья.

Так в 1992 году восстановили церковь Бориса и Глеба. В 1997 году Святейший Синод утвердил Постановление о восстановлении Трифонова Печенгского монастыря. Монастырь получил вторую жизнь, но ненадолго. Восстановленная в XIX веке обитель, пережившая суровые испытания во время Великой Отечественной войны, в 2007 году сгорела дотла.

Просуществовав в очередном своем воплощении лишь 10 лет, монастырь не исчез на многие годы, как это уже было в его истории.

Монастырь было решено возродить. Не отдельную церковь, а весь комплекс. Восстановить монастырь в том виде, какой он имел в начале XX века на месте его первоначального расположения, в поселке Луостари Печенгского района Мурманской области. Единодушие власти, народа в исполнении решения было достойно всяческой похвалы. В 2010 году восстановление Трифонова Печенгского мужского монастыря, крупнейшей и самой северной православной обители на Севере, заканчивается, и он возрождается. В 2012 году братия переселилась на территорию новоотстроенного монастыря.

Повесть «Там, где сходятся меридианы» печатается в сокращенном варианте, но автор постарался отобразить обстановку, в которой возрождались после длительного небытия святыни российского заполярья. Повесть написана на основании действительных событий, герои, в большинстве своем, реальны.

Монастырь

Печенгский монастырь... Смотрю с тоской:

Какая дряхлость, обветшалость, хилость...

Восставший из немилости людской,

Ты сам собой являешь Божью милость.

Н. Колычев, «Сказание о ста шестнадцати мучениках»

Серый клинок шоссе безжалостно разваливал скалистую плоть Печенгского перевала. Некогда непреступная твердыня бараньих лбов уступила человеческому натиску и нехотя освободила место для дорожного полотна. Навстречу машине летела тундра с искривленными жестокими ветрами стволами заполярных берез, которые прижимались к земле, сохраняя жизнь. Из мха выпирали гранитные клыки. Они, хищно ослабившись, дожидались своего часа, когда водитель, взяв слишком крутой вираж, окажется в их власти. Верхушка перевала попирала небо, и серые облака вольготно разлеглись на склонах. Мотор, надрывно вой, выносил транспорт на вершину, и водитель, вытирая взмокший лоб, видел красоты, открывающиеся с макушки легендарного горного массива. Ему открывались перспективы древней Печенгской земли: суровой, нелюдимой. Волнами, одна за другой, шли покатые сопки на воссоединение с сопками скандинавского полуострова, а те, в свою очередь, перерождались в гранитные разломы норвежских фьордов. Где-где островками обитания человека проскакивали поселки, разъезды, военные городки. Картина открывалась путешественнику довольно невзрачная: кучка замусоленных пятиэтажек, ангары для боевой техники, полуразрушенные бараки.

Затем начинался длинный спуск под названием Тешин язык. Летом он особенных проблем не составлял. Был даже приятен, так как за минуты транспорт скатывался от горной тундры в распадок с довольно богатым разноресьем. Затем водитель выезжал на ровную дорогу, и перед ним открывалась панорама Печенги. Добавить что-то новое к описанию заполярного поселка сложно. Но изменения были. Так вокруг мрачного деревянного сруба армейской КЭЧ (квартирно-эксплуатационная часть, кто не знает) возник свежий забор, а фронтон крыши венчал небольшой крест. Это возродился Трифонов Печенгский монастырь. Вернее то, что от него осталось: старая церковь рождества Христова.

У монастыря было сложная история. Основал его Трифон Печенгский, просветитель лопарей. Сам монастырь находился в поселке Луостари. «Луостари» в переводе с финского означает «монастырь». В поселке Печенге стояла только церковь Рождества Христова. Именно этими святыми местами определялись два так называемых центра монастыря. Верхний монастырь или пустынь, где находились мощи преподобного Трифона, размещался на месте слияния рек Печенги и Манны. Это был духовный центр. Нижний монастырь с могилой 116 мучеников в устье Печенги – был центром хозяйственным.

Пламя Великой Отечественной войны спалило почти весь поселок Петсамо и с ним остатки монастырского комплекса. Погибло все, что не уничтожили в Зимнюю войну. После войны здесь расквартировали Краснознаменную мотострелковую бригаду, и все мало-мальски пригодные здания бригада прибрала под свое крыло. Здание церкви уцелело, и военные разместили в ней КЭЧ. По слухам, идущим от старожилов, церковь не претендовала на эти остатки. У нее руки не доходили до храмов и в более людных местах. А потом, на что претендовать? Древняя Печенга до войны носила непривычное для русского уха название «Петсамо», и требы в помещении еще дореволюционного храма справляла финская церковь. Она окормливала протестантскую паству. Так что армейцы, недолго думая, пристроили здание культового учреждения под свои нужды. Время было послевоенное, напряженное. До гра-

ницы с Норвегией каких-то сотня километров. А Норвегия хотя и была благодарна Советской армии за освобождение заполярного порта Киркенес, но вытерла пот со лба, когда Северный флот и армия генерала Щербакова убрались оттуда. Мало этого. Слыша, как грохочут солдатские сапоги на Печенгской земле, Норвегия, от греха подальше, в 1949 году вступила в НАТО, чтобы окончательно обезопасить себя. Да и насчет паствы было сложно: пограничная зона, основной контингент – военные. Труженики поселка Никель, в подавляющем большинстве нестарые люди, были заняты восстановлением горно-металлургического комбината, и трудовые реляции для них были важнее, чем спасение души в будущем.

Прошло военное лихолетье. Пролетели шестидесятые-семидесятые. И страну залихорадило. Застоявшаяся, засидевшаяся у власти верхушка КПСС потеряла ориентацию в пространстве и времени. Будучи студентами, они пропустили лекции по истории и не читали Льва Гумилева. Он толково рассказал в своей теории о пассионарности, что нет ничего вечного в мире. Верхушка уверовала, что СССР вечен и почивала на том, что выработали предыдущие поколения. Они даже не думали, что империи могут изживать себя и разваливаться. Правда, такая империя, как Римская, существовала пару тысячелетий. Но для СССР хватило и семидесяти, ничего не значащих с позиции истории, лет. А с пришедшим новым руководством КПСС в лице Горбачева наступил последний этап существования некогда непобедимой и могущественной страны. Старцы из Политбюро быстро сдали свои позиции, гарантированные конституцией, и отошли в небытие. Они, старцы, считали, что их за такие деяния будут вечно благодарить благодарные потомки. Но не тут-то было: волки, из так называемого демократического гнезда, быстро сгребли их лопатой как некую субстанцию и выбросили туда, куда обычно выбрасывают вышеупомянутую субстанцию. На смену социалистическому строю пришел вроде бы как новый, но такой уже старый капитализм. Но это слово «отцы перестройки» умело заменили рыночной экономикой и без труда овладели страной. Пошли преобразовательные процессы, в том числе была возвышена или, как говорят, восстановлена истинная роль православной церкви. На этой волне армейское командование передало Мурманской и Мончегорской епархии, то что, что осталось от помещения церкви рождества Христова Трифонова Печенгского монастыря. Сиротствующий храм нес на себе печать полной заброшенности и холодного равнодушия. Господь уберет церковь от полного уничтожения.

Но церковь не испугалась разрухи. Возникшая на Мурманской земле в 1995 году Мурманская и Мончегорская епархия взялась за дело. На месте КЭЧ появилось подобие храма. Конечно, здание меньше всего напоминало церковь в ее общепонимаемом виде. Но «не суди, судим не будешь». И, слава Богу, на месте армейской развалины появился храм. Место было святое. Упокоены мощи 116 мучеников, находящиеся в крипте храма Рождества Христова. Сохранилась намоленность, а для церкви это самое главное. Формы – дело наживное. В мае 1995 года по благословению епископа Архангельского и Мурманского Пантелеймона началось восстановление храма Рождества Христова «Нижнего» Трифонова Печенгского монастыря. Стала возрождаться монашеская жизнь. Сбылось пророчество Преподобного Трифона: «Не оставит Господь жезла грешных на жребии Своем».

Водители тормозили у моста через быструю речку Печенгу и останавливались у новенькой часовенки. Основная часть дороги была пройдена. Можно посидеть, перевести дух. А тут часовенка, восстанавливающийся храм. Стучат топоры за забором, переговариваются трудники, снуют чернецы, послушники. Сядет водитель на лавочку и непременно подумает о добром и вечном. Уже хорошо. А если снимет шапку перед священником или приподнимется перед бабушкой, то не все потеряно на некогда Великой Руси.

Едут, едут... куда едут... – думал Данилка, глядя на вереницу автомашин, стремительно мчащихся со стороны перевала.

Грохотнув по мосту через реку Печенга, водители притормаживали возле часовни, затем гнали дальше.

– В Норвегию едут, – провожал их глазами Данилка.

Он стоял у калитки, облокотившись на черенок метлы, которой сметал мусор возле обители.

– Чудно, – размышлял мальчишка, тщательно убирая мусор, летящий с дороги. – Стоит монастырь, огородившись от мира. А мимо проносится жизнь, чужая, сверкающая никелированными деталями и хрустальными фарами машин.

Данилка боялся этой жизни, хотя она тянула его, тянула с необъяснимой силой. Так тянет к себе темный омут. Завлекает нырнуть. Хотя знаешь, что там водовороты, которые не то что человека, скотину на дно уволочут. Все знаешь, а тянет.

Данилка задумался. Он в обители давно. Почти с восстановления монастыря. Он хорошо помнил как его, затравленного голодного звереныша с улицы Зеленой, что в городе Мурманске, забрал настоятель теперешнего храма. Не мог пройти суровый инок мимо широко распахнутых глаз мальчишки, из которых синей лентой выплескивалось отчаяние. Столько боли плескалось в этих голубых озерах, что монах только глянул на подростка и коротко сказал:

– Пойдем.

И мальчишка пошел, на ходу подтягивая синтетические заношенные штаны и нелепо шлепая растоптанными, явно не по размеру, кроссовками. Монах подошел к кованой ограде Свято-Никольского кафедрального собора, открыл калитку и прошел на территорию. Данилка – за ним. Он и раньше частенько болтался здесь. Но тогда это все было по-другому. Шли тихие старушки в беленьких платочках, пристойно молились и возвращались обратно со своими аккуратными узелками. Потом здесь стали толкаться взрослые люди. У них были опущены плечи, потухшие глаза. Они шли в храм, неумело крестились. В выходные дни к церкви подъезжали появившиеся на улицах города огромные автомобили-чудовища. Джипы – узнал Данилка их название. Они были черные, с густо тонированными стеклами и ярко горевшими хрустальными фарами. Их хозяева были под стать своим машинам. Такие же массивные, подстриженные под внезапно возникшую моду-аэродром, которая обнажала чудовищную, заплывшую жиром шею и маленькие прижатые уши. Эти машины святили. Возникла такая мода: святить машины. Священники, выходили из церкви, пряча глаза, окропляли автомашины святой водой и поспешно уходили. Стоящие вокруг люди плевались и отворачивались. Хозяева этих машин, старательно распахивая рубашки, чтобы был виден огромный золотой крест, прилипший к потной волосатой груди, неумело прикладывались к руке батюшки. Затем поспешно садились в чрево своих монстров. Закрывшись прочными дверями с черными стеклами, они начинали чувствовать себя в своей тарелке. Развернувшись, на огромной скорости они мчались от церкви, словно сделали что-то постыдное. А им вслед смотрели грустными глазами святые отцы, только что совершившие таинство.

Все это не укрывалось от пытливых глаз мальчишки. Он заметил, что в их коммунальной кухне появилась бумажная иконка. На ней был изображен старик с поднятой рукой. Кто он такой и чем он славен, Данилка понять не мог. Да его это не интересовало. Их старенькие обои в коридоре и на кухне не такое видели. После того как икону разместили в углу кухни, да еще украсили бумажными цветами, тетя Тася (так звали их соседку) частенько прикрывала на своего благоверного дядю Васю.

– Ты хоть бы, ирод проклятый, Бога побоялся!

На что дядя Вася, принявший на грудь маленькую по случаю дачки (так называли зарплату на фабрике орудий лова, где трудился дядя Вася), отвечал:

– Тась, а я что. Ничто я супротив Бога. И он, наверное, не прочь пропустить по случаю. А, Тась! – Дядя Вася сгибался в свой немалый рост к коренастой супружнице. Она замахивалась на его полотенцем, которым вытирала посуду и кричала:

– Уйди с моих глаз долой! У-у-у! Аспид окаянный.

Дядя Вася усмехался и, ущипнув мимоходом Данилкину мать, стоявшую рядом, возле своего столика, устремлялся к выходу. Возмездие его настигало. Два влажных полотенца припечатывались к тощей спине, облаченную в выцветшую, когда-то синюю майку.

Данилка жадно поглощал горячую гречневую кашу и слушал, как за стенкой спорили:

– Всех тремя хлебами не накормишь. Не Христос! – властными нотками баритонил голос.

– А как же Бог, Отче, – спокойно, но с прерывающимися нотками молодости, вопрошал другой голос.

– Что Бог? Власть есть светская. Ее задача беспризорников спасать.

– Это же дети, Отче. Как им жить на улице, – не сдавался голос, тот, что звонче.

– И что, что дети. Куда ты их приведешь. Нет при храме богадельни, – упорствовал властный голос. Затем неожиданно:

– Впрочем, поступай, как знаешь. Едешь настоятелем в монастырь. Вот и забирай его трудником.

– Спасибо, Отче, – повеселел молодой голос.

– Спаси тебя Бог, – ответил голос старше.

Спал Данилка в комнате, которую называли кельей. Он с удовольствием вытянулся на чистой постели. Перед тем как лечь спать, он принял душ, и тело, отвыкшее от горячей воды, истомлено ныло. Когда он вернулся, то не нашел своей одежды. Его драные штаны и куртка исчезли, а на их месте лежали серые брюки и мягкая рубашка. От вида домашней одежды зануло сердце. Больше полугода болтался Данилка по знакомым. Родственников у него не было.

Он поворочался в кровати, попытался заснуть, но сон не шел. Мать. Где она сейчас? Он пытался восстановить в памяти цепочку событий, которые привели его на улицу. Перебирая разрозненные лоскутки своей короткой жизни, он уснул.

– Просыпайся, отрок, – гулко раздалось в келье.

Данилка испуганно подскочил.

«Какой ты пуганый», – подумал зашедший в келью монах, глядя на испуганно подскочившего мальчонку. Но вслух сказал:

– Не бойся, тебя здесь никто не тронет.

Монах, приглаживая густые, начинающие седе́ть волосы, прохаживался по келье и рассматривал Данилку. Тот быстро одевался.

– Крепко же тебе досталось, крепко, – думал он, видя волны страха в прозрачных голубых глазах мальчика. – Не бойся, – повторил он, – это голос у меня такой, командный. И улыбнулся.

Он оказался совсем не строгим, и мальчик узнал в нем того монаха, который подобрал его на улице.

– Одевайся, иди завтракать. Скоро поедем.

На немой вопрос Данилки монах пояснил:

– Поедем в новый монастырь, брат. – Потом спохватился: – Тебя звать как, отрок?

Данилка назвал себя.

– Данилка? Даниил, значит. Это хорошо. Как князя Московского. Знал такого? – почему-то обрадовался священник.

Данилка покраснел. Вопрос напомнил ему о школе. А он не был в ней давно. Его настроение не скрылось от священника.

– А меня – отец Владимир. Тоже княжеское имя. Был такой князь на Руси. Еще Русь крестил, – добавил.

Данилка слушал его и, незаметно для себя, нахохлился. Он забыл про школу, а священник помимо его воли влез к нему в подсознание и разбудил болезненную точку. Почему? Сто тысяч «почему» роилось в голове мальчишки. Почему школа быстро поляризовалась на бедных и богатых? Почему многих детей стали возить на машинах, а Данилка шел в школу, забыв про завтрак? Священник уловил настроение мальчишки и, хлопнув его по плечу, сказал:

– Ничего, Даниил.

Данилка вздрогнул. Никто его еще так не называл.

– Все образуется. – Помолчав, добавил совсем другим тоном: – Иди ешь, – и слегка подтолкнул мальчишку.

– Документы у тебя какие-нибудь есть? – крикнул отец Владимир вдогонку.

Данилка отрицательно покачал головой. Не было у него документов. Да и какие могли быть документы у беспризорного мальчишки с улицы Зеленой в лихие девяностые годы, когда не только дети, взрослые забывали себя.

– Забыл спросить фамилию, – вспомнил священник. Как же обращаться в милицию, чтобы ретивые стражи порядка не обвинили его во всех грехах? – Схожу в школу, – решил он.

Данилка тем временем наворачивал вкусную кашу, которую ему заботливо подкладывала повариха. Ее здесь просто звали баба Надя. Видя, как мальчишка тщательно вытирает тарелку корочкой хлеба, баба Надя отошла к печи и незаметно вытерла глаза платком. Безошибочным материнским чутьем она поняла мальчишку, как он настрадался, и не смогла сдержать слез.

«Господи! Видишь ли ты! Слышишь ли ты! Что же такое делается! – взывала она к хмурому Спасу, что размещался на кухне в красном углу. – Что делается в некогда благополучной стране! Стране счастливого детства, когда слезы ребенка рассматривались как ЧП», – думала баба Надя.

Неужто за такое будущее погиб ее отец, ушедший в народное ополчение и сложивший голову в Долине Смерти. Она, Надюшка, после семилетки ушла на рыбозавод, чтобы помочь матери поднять младших. Голодно было, но не холодно. Не было брошенных детей. Искали родственников. И не было случая, чтобы оставшиеся в живых родные не приютили сироту. А сейчас! Что случилось со страной? Что за напасть настигла ее через семьдесят лет Советской власти. Что за оборотни пришли к управлению! Много мыслей роилось у бабы Нади, много. Она, пригорюнившись, по-старинному приложив ладонь к щеке, смотрела на изголодавшего пацаненка.

– Мать-то у тебя где? – спросила она, когда Данилка умял вторую тарелку каши и сыто откинулся на спинку стула.

– Не знаю, – послышалось в ответ.

– Как не знаю, куда она делась? – не сдавалась баба Надя.

– А так, не знаю, – буднично произнес Данилка. Потом добавил: – Спилась.

Баба Надя охнула. Что угодно она могла услышать от мальчишки, но чтобы такое... Спилась женщина! Спилась мать и оставила ребенка. Такое русской женщине не могло придти в голову. Данилка тем временем шумно пил сладкий чай.

– Так дом-то у тебя есть? – обреченно спросила она.

– Не-а, – как-то просто ответил Данилка, дотягивая сладкий чай из блюдечка.

Баба Надя вздрогнула: уж очень он напомнил ей своих внучат, которые сейчас жили в средней полосе.

– Как это нет? – строго спросила баба Надя. – Ты где же раньше жил? – Не отставала она.

– Да здесь, на Зеленой, – нехотя ответил мальчишка.

Он задумался о чем-то своем и разглядывал блюдце. Баба Надя житейской мудростью поняла, что больше ни о чем его не нужно расспрашивать. Этот мальчонка с удивительно прозрачными голубыми глазами хлебнул столько, что не каждому взрослому под силу. Она вздохнула и добавила:

– Ты отцу Владимиру скажи, что заехать домой нужно. Вещички какие-никакие взять нужно.

Данилка задумчиво уставился в доньшко блюдца. Какой дом?! Какие вещички?! Что он мог сказать этой заботливой старушке, что мать давно пропила все, что было в доме? Мало вещи, она пропила и комнату в коммунальной квартире. Чужие люди поменяли замок в комнате, и Данилка оказался на улице.

– Не, – сказал Данилка, выбираясь из-за стола. – Никуда я не пойду. – Потом добавил тише: – Никуда я не пойду.

Баба Надя все поняла, что творилось в душе у мальчонки.

– Ну и ладно, не хочешь – не ходи, – скороговоркой, по-стариковски, заговорила она: – Иди пока, поиграйся во дворе. Отец Владимир закончит дела, и поедете с божьей помощью.

Она быстро перекрестилась. Данилка хмуро усмехнулся.

Поиграйся! Как это давно было, когда он мог со своими сверстниками погонять мяч по улице и, услышав крик матери, что пора ужинать, крикнуть в ответ: «Иду, ма...»

Сглотнув ком в горле, он вышел из поварни и подошел к забору из кованого железа. Перед ним лежала улица Зеленая. Его улица, знакомая с детства. Он взялся за холодные прутья забора и прижался к ним лицом. Холодный металл приятно обжигал мальчишеское лицо. Он смотрел на свою улицу и понимал, что видит ее в последний раз. Не будет у него ни дома, ни улицы. Все в прошлом. Дом, улица. Да что там дом и улица! Страна, и та в прошлом. Его неожиданно отвлек собачий визг, и что-то мокрое и холодное ткнулось в руки. Данилка вздрогнул, очнулся и посмотрел вниз. Там он увидел собачьи лапы и черный мокрый нос.

– Тузик! Ты! Ах, бродяга! Не забыл друга по несчастью.

Тузик в ответ скулил и тянулся к Данилке, но фундамент стены мешал ему. Данилка просунул руки через прутья и, схватив собаку за бока, приподнял ее.

– Тузик! Тузик! – повторял он, сжимая кудлатого грязного пса.

Тот, благодарно повизгивая, вылизывал лицо мальчишки. Нужно было что-то делать. Бросить друга Данилка не мог.

– Тузик! Ко мне! – скомандовал он.

Тузик рванулся через ограду, но тут же с визгом отпрыгнул назад, наткнувшись на увесистую палку монаха, дежурившего у дверей.

– Это моя собака! – закричал Данилка, бросившись к монаху.

– Не положено в божьем храме, – строго сказал высокий монах, закрывая калитку. Тузик, словно понимая, что ему путь закрыт, сжался поодаль, подняв переднюю лапу, словно ему было холодно.

– Поговорю с отцом Владимиром, – решил Данилка и пошел в здание, где размещалась келья.

«Волга» мягко качнулась на стыке Кольского моста и взяла вправо. Мурманск посмотрел на Данилку с другой стороны залива. Данилка рассматривал город, словно видел его впервые. Он любил свой город и сейчас любовался им, привольно раскинувшимся на сопках. Данилку будоражили морские суда, стоящие на рейде и под разгрузкой. Ему нравилось наблюдать за порталными кранами, которые как журавли что-то деловито клевали в бездонных трюмах. Нравился резкий запах рыбы, идущий волнами от рыбокомбината. Это все были запахи города, его города. А сейчас он уезжал. Уезжал из своего города и не понимал, куда и насколько долго. «Волга» резво бежала по серому асфальту и резко свернула влево.

Мурманск заглянул в заднее окно и пропал. По бокам потянулись нескончаемые сопки, покрытые свежей, не успевшей заматереть, зеленью.

Отец Владимир откинул голову на подголовник кресла и перебирал события дня. Все прошло удачно. Даже в милиции, куда он обратился по поводу беспризорного Данилки. Уполномоченный по детству была только рада, что Данилка пристроен хотя бы на лето. Не удалось только найти свидетельство о рождении мальчишки, но милиция выручила и дала справку.

– Ты историю Трифонова Печенгского монастыря знаешь? – не поворачиваясь спросил он парнишку.

Данилка отрицательно покачал головой. Для него вопросы религии начинались и заканчивались на улице Зеленой возле Свято-Никольской церкви. Куда он едет, Данилка не задумывался. Хуже не будет. Хуже было уже некуда.

Отец Владимир рассеянно осматривал окрестности шоссе. Северное небо, необычно голубое, стремительно надвигалось на машину и разбивалось о лобовое стекло. Белые пушистые облака островками висели в безбрежном пространстве и манили своей чистотой. Свежий ветер врывается в открытое окно и шевелит рыжеватую копну волос отца Владимира.

Заполярье. Какое емкое и значительное слово. Кажется, когда произносишь его, грудь становится шире и голос увереннее. Он любил Север, хотя сам был со средней полосы. Но не вызывала она у парня тех эмоций, которые переполняли его, когда он впервые оказался в Мурманском крае.

Лапландия – край суровый и нежный, край черной полярной ночи и белого летнего дня. Дантовым адом воспринимали ее люди пришлые, но для коренных жителей – это колыбель, мать, отчий дом, где каждая березка, каждая сосенка словно родные. Так хотелось отцу Владимиру, чтобы его не считали «варягом», то есть пришлым.

Но до этого была служба в армии, горячие точки. Потом духовная семинария. «Духовка», как нарекли свое учебное заведение семинаристы. Потом заветный Север. И вот он едет настоятелем в самый северный монастырь: Трифонов Печенгский.

– По правде сказать, монастыря там никакого еще нет, – сказал ему седовласый архиепископ, – Все в забвении и разрушении. Но главное сохранено: намоленность храма, его история. – Могилы убиенных за веру, – помолчав, добавил он.

– Даю тебе, сыне, послушание. Нелегкое послушание. Нужно восстановить сию обитель, окормить стадо заблудшее, – вздохнул архиепископ. – Первым делом начни требы справлять. Народ как стадо заблудшее в мире хаоса. Ему пища духовная нужна. Но от дел хозяйских не чурайся, – архиепископ мерно шагал по кабинету. Ты там не только наместник, ты и строитель храма.

– Верю в тебя, ты молодой, справишься, – Вспоминал Владимир напутствия архиепископа – Судьба у монастыря, прямо скажу, трагическая. Ему, если выразиться мирским языком, не везет. Да ты знаешь, наверное, что преподобный Трифон Печенгский построил православный храм и основал на реке Печенге монастырь во имя Святой Троицы для обращения местных племен в православную веру. В 1589 году шведы его разрушили. По указу царя Федора Иоанновича, монастырь для безопасности перенесли за реку Колу. Затем снова пытались возродить обитель на святой Печенгской земле. Пробовали и в 1824 году, и в 1867 – все безуспешно. Видно, не было на то Божьего благоволения. – Архиепископ заметно волновался. Видно, что тема была его. Отец Владимир сидел, впитывая слова архиепископа.

– Но 1886 год все расставил по своим местам, – продолжил архиепископ. – Прибыли соловецкие монахи во главе со строителем иеромонахом Никандром и взялись за возрождение монастыря. Затем появился достойный последователь настоятель иеромонах Ионафан. Восстанавливалась сия обитель «для противодействия пропаганде католиков, лютеран

и раскольников и для распространения православия среди лопарей». Стал монастырь прирастать богатством и братией монашествующей. Но видно снова не судьба – революция.

– Вот сейчас восстанавливаем, что осталось, так новая проблема возникла. Матушка наша, игуменья, в искус впала: скрылась с доходом от гуманитарной помощи. Верни веру братии. Монастырь нужно восстановить, прежде всего, как духовный центр Кольского края. Здесь должна сформироваться утраченная школа русского монашеского старчества. Дело это очень важное, и мы видим, что оно угодно Трифону. Но восстанавливать нужно не колхоз, населенный монахами, а обитель, способную помочь русскому народу обрести полноценное духовное будущее. Вот для чего все создается! И все здесь должно быть хорошо устроено, должно ложиться на душу. Восстановление монастыря – это, прежде всего, наша решимость. Она усиливается старанием, верностью, преданностью пути, на который мы встали. Восстановление обители – шаг к разговору с Богом.

Архиепископ замолчал. Отец Владимир понял, что время его истекло, и подошел для благословления.

– Тут Господь должен сказать свое слово. Надо, чтобы он заговорил с нами. Это нам в первую очередь нужно. И мы должны быть готовы к разговору с ним, – прощаясь, сказал архиепископ.

Обычно разговорчивый водитель, чувствуя настроение молодого священника, молчал. Данилка оцепенел, глядя на дорогу. А отец Владимир, словно киносерию, прокручивал свою жизнь. Еще каких-то лет десять назад он и представить себе не мог, что поедет в самый северный монастырь настоятелем. Да что там настоятелем! Он вообще не думал, что станет священником. Рабочий поселок на Волге, средняя школа. Неудача при поступлении в институт. Армия. И началось. Затрещала по швам страна, разгул демократии и, как следствие, войны. Войны, страшные своей братоубийственностью. Еще недавно дружные республики превратились в кровных врагов и стояли на меже с оружием. Это потом их назвали «Горячими точками», а по сути это была резня, резня братоубийственная, средневековая, поощряемая «Всенародно избранными президентами». Он, простодушный лопушок, стоял в строю и ничего не понимал. Почему дяди в уродливых фуражках с двумя просветами на погонах показывают, в какую сторону ему направить автомат и, главное, приказывают стрелять в ту сторону. А там аул, дети, женщины. В чем они виноваты? Мятежники, боевики, федералы – все смешалось в его голове. Еще пацаненком он понимал, что ему необыкновенно свезло: он родился и живет в великой стране: Союзе Советских Социалистических Республик. В стране, которая несла добро всему миру и выступала защитником бедных и угнетенных. Он искренне завидовал парням в голубых беретах, которые возвращались, исполнив «Интернациональный долг». Теперь он, в камуфляжной, новой форме солдата демократической России, стоит в строю и слушает разглагольствования заместителя командира роты по воспитательной части. Эти офицеры пришли на смену традиционным замполитам. Их объединяло одно: неискренность. Как те монотонно декларировали установившиеся догматы, так и эти штампованно вещали о новой роли Российской Федерации. Глядя на их опухшие от пьянства морды и вороватые глазки как-то не особенно верилось в чистоту помыслов новых идеологов. Но они имели над ним абсолютную власть: армия служила по законам военного времени. Редел их солдатский строй. Чернобородые дядьки умели воевать. Их крики «Аллах акбар» вызывали нервную дрожь и холод в лопатках. Очень скоро мальчишки в форме поняли, что их убивают, и пощады от них ждать не приходится.

– Господи, спаси, сохрани, – вспомнились ему молитвы своего деда, старого неразговорчивого человека.

– Без бога не до порога, – любил он говорить, наблюдая за еще несмышленным внуком. Слова молитвы неожиданно выплыли из глубин его памяти.

«Господи! Спаси, сохрани...» – било в висках, когда он входил в затихший аул, и каждая клеточка его тела была в ожидании автоматной очереди.

– Слава тебе, Господи, – неожиданно прошептал он, когда отвратительно свистящие пули прошли над его каской.

Новое явление в войсках Российской Федерации: армейские священники. Они были не похожи на того добродушного священника, которого он привык видеть в их городской церкви. У этих не было длинных волос, бород веником. Это были подтянутые парни, в таком же камуфляже, как и у бойцов. Только в кармане у них был крест, и они не расставались с евангелием. Они не лезли в душу, не напоминали о долге, не требовали верой и правдой служить новой России. Они просто были рядом. Вроде как случайно, но в две лопаты окоп был выкопан гораздо быстрее. И «цинкач» (ящик с патронами), подхваченный дюжим дядей оказывался гораздо легче. Незаметно пришло общение. Хотя их «батьа», командир роты, недовольно бурчал, видя как вокруг батюшки, словно ища защиты, собирались солдаты. В этом было что-то трогательное, незащищенное. Бросалось в глаза, что воюют дети. Но он был командир и выполнял приказ. Приказ, отданный безответственными политиками. Приказ, который он должен выполнить любой ценой, даже ценой жизни этих пацанов. Их уже не пробирали слова командиров и новоявленных воспитателей о служении президенту, портрет которого развесили во всех палатках. У них давно наступил идеологический вакуум в сознании. Они получали письма из поселков и деревень, в которых родители сообщали о своих плачевных делах после демократических реформ. Получали письма от демобилизованных товарищей, которых, оказывается, никто не ждал. Они никому были не нужны! Без специальности они пополняли армию безработных или шли в криминал. Их охотно брали в уголовные структуры новоявленные хозяева.

Выжить! Дожить до дембеля – вот основная цель каждого солдата. Слова «Бог», «раб Божий» тоже не звучали в коротких беседах с батюшкой, когда прикуривали от одной спички в слегка подрагивающих руках. Зазвучало: «долг», «служить Отечеству» и уж совсем непривычное – «Вера».

Пришло время ухода в запас. Стоял на распутье: куда идти после дембеля. В разоренный приватизаторами поселок? Но там встала последняя прядильно-ткацкая фабрика. Возникла мысль: а что если рвануть в иностранный легион. Среди дембелей гулял адрес телефона мобилизационного пункта. Там парней, не боявшихся крови, брали охотно. А что? Отслужить за интересы Франции положенное контрактом время и затеряться на просторах благополучной Европы.

Батюшка давно присматривался к парню с емким волжским говором. Он отличался от сослуживцев. Не смаковал выдуманные похабные истории, которыми вчерашние пацаны развлекали друг друга. Ни с кем не делился «подвигами» на гражданке. Чаше чем другие слушал священника, затем вставал и уходил. Часто был один. Незаметно налаживался контакт. Общались, разговаривали. И вот вознаграждение за долготерпение. Парень поделился с батюшкой своими проблемами. Куда идти? Бежать из страны?

– Убежать ты, конечно, можешь. Только убежишь ли от себя самого – задумчиво оборонил батюшка.

– А что делать? Куда, куда идти. Нет той страны, в которой я жил, к которой привык, – в запальчивости бросил парень.

– Слово божие нужно нести в народ, – добавил святой отец.

– Какое слово! Раб божий! Покорись, служи... – съязвил Владимир.

– Зачем? – спокойно среагировал батюшка; он словно не заметил мальчишеской колкости. – Слово о добре, справедливости.

– Где они, эти слова? В России! Кругом вранье, – горько скривился парень.

– Именно в ней, России. В поруганной, поставленной на колени, – сказал святой отец. – Ее нужно возрождать. Сейчас деньги правят Россией, но это пройдет.

– Когда! – усмехнулся Владимир.

– Это зависит от нас: тебя, меня, – отвечивал священник.

– А как? – совсем по-школьному спросил парень.

– Вот это другой вопрос, – ответил святой отец.

Они помолчали. Каждый думал о своем.

– Ты вот что, Владимир. Не торопись с решением поступить в легион. Что если тебе поступить в семинарию?

– Куда? – не поверил своим ушам Владимир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.